

Российская Академия наук

Институт философии

КОЛЛАЖ

*Социально-философский и
философско-антропологический
альманах*

ББК 15.5
К 60

Ответственный редактор
доктор филос. наук *В.А.Кругликов*

Рецензенты:
кандидат пед. наук *М.М.Шибеева*,
кандидат филос. наук *А.Воронин*,
доктор филос. наук *И.К.Лисеев*

К 60 **Коллаж: Социально-филос. и философско-антропол.**
альманах. — М. — 177 с.

Собрание текстов альманаха “Коллаж” — это картина разнообразия тем и методов философского исследования, которая дает представление о поисковых работах по вопросам ориентации человека в условиях современной социокультурной реальности. Мозаичный абрис альманаха образован из статьи по вопросам “низовых” практик языка, эссенциальных материалов диссертационных исследований по социально-политической философии, эссе об имманентных структурах литературного языка, из дискуссии о метафизическом теле текста. Альманах подготовлен сотрудниками отдела социальной философии и философской антропологии.

Для философов, специализирующихся в отмеченных областях.

ISBN 978-5-458-65350-3

©ИФРАН, 1997

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА.....	5
-------------------	---

СТАТЬИ

Наталья Козлова Ирина Сандомирская “Наивное письмо” и производители нормы.....	7
--	---

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алексей Кара-Мурза Между “градом Китежем” и “городом Глуповым”	33
Леонид Поляков Российская модернизация: социо-психоаналитический подход	55
Ася Сыродеева К интеграции через локальность	76

ЭССЕИСТИКА

Елена Петровская Становление по-американски: литературный опыт Гертруды Стайн	87
---	----

ОБСУЖДЕНИЯ

Текст о тексте.....	124
Сергей Долгопольский Сергей Зимовец Витим Кругликов	

Contents

EDITOR'S NOTE	5
----------------------------	----------

ARTICLES

Natalia Kozlova Irina Sandomirskaya “Naitive Writing” and Produces of Norm.....	7
---	----------

FROM DISSERTATION RESEARCH

Aleksei Kara-Murza Beetwing “Grad Kitezh” and “Gorod Glupov”	33
Leonid Polyakov Russian Modernization: Socio-psychoanalytic Approach	55
Asya Syrodeyeva Through Locality to Integration	76

ESSAYS

Elena Petrovskaya The American Making: The Literary Experience of Gertrude Stein.....	87
---	-----------

DISCUSSIONS

Text on Text.....	124
Sergei Dolgopolsky Sergei Zimovets Vitim Kruglikov	

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящем издании мы продолжаем публикацию тех работ сотрудников Отдела, в которых философское сознание находится в активном поиске адекватного языка выражения. При этом, как видно из публикуемых работ, одни авторы интенсивно исследуют социально-политическую реальность, пытаясь из плоти ценностно-смысловых структур извлечь то, что проговаривается в бытовании различных социетальных образований.

Как представляется, бессознательная задача, которая стояла перед участниками издания, в целом заключалась в том, чтобы найти в способах разворачивания собственного мыслительного движения скрытые от самих себя цензурованные лакуны сознания.

Кроме того, в предлагаемых материалах, несмотря на их тематическое различие и разную направленность предметных интересов, обнаруживается и общая методологическая установка. Она связана с тем, что все мы осуществляем поиск мыслительного самоопределения в ситуации плюрального хаоса идей, ценностей, смыслов. В силу данного обстоятельства любая попытка философского анализа то ли политических, то ли социальных, то ли идеациональных современных реалий вынуждает исследователя к необходимости проверки собственных изначальных позиций. Другими словами говоря, в текстах авторов данного издания выражено стремление к выработке последовательной и многократной рефлексии по поводу собственной работы.

Как и в предыдущем издании материалы собраны не по принципу тематического сборника, а в стремлении отобразить ту поисковую работу, которые ведут сотрудники Отдела в различных направлениях. Поэтому и рубрики данного сборника носят не предметный или тематический характер, а лишь обозначают жанровую определенность того или иного авторского исследования.

Более того, в данном издании (как предполагается и в последующих) общая композиционная структура выстроена на основе принципа коллажа и приемом коллажирования или аппликации (в данном случае это различие не существенно), когда на общую основу — философский анализ метафизических структур сознания социокультурных образований — “наклеиваются” (или “прикладываются”) фрагменты (“лоскуты”) отдельных постижений и находок. Так в нашем случае общий рисунок издания сложился из статьи, в которой проанализирована “низовая” практика письма постсоветской реальности, эссенциальных материалов (концентратов из диссертационных исследований) историософского социального и психоисторичес-

кого порядка, и из герменевтических попыток прочесть внутреннее событийное пространство метафизического тела языка.

Стилистика представляемых текстов, на наш взгляд, свидетельствует о значительной языковой индивидуализованности порядка, и из герменевтических попыток прочесть внутреннее событийное пространство метафизического тела языка.

Стилистика представляемых текстов, на наш взгляд, свидетельствует о значительной языковой индивидуализованности авторских исследований. Но при этом явно заметно, что стилистическая индивидуальность того или иного текста обусловлена и продиктована тем специфическим языком предметности, в которую погружен автор. В силу этого редактор исходил из того, что вся ответственность (в том числе редакторская) за текст лежит непосредственно на авторе текста.

Научно-вспомогательная работа выполнена Г.А.Новичковой.

и авторских исследований. Но при этом явно заметно, что стилистическая индивидуальность того или иного текста обусловлена и продиктована тем специфическим языком предметности, в которую погружен автор. В силу этого редактор исходил из того, что **вся ответственность (в том числе редакторская) за текст лежит непосредственно на авторе текста.**

Научно-вспомогательная работа выполнена *Г.А.Новичковой.*

СТАТЬИ

*Наталья Козлова
Ирина Сандомирская*

“Наивное письмо” и производители нормы

Внимание к “человеческим документам” — знак эпохи. С ними работают историки, воспроизводя картину “истории без героев”. Социологи активно разрабатывают жанр биографического исследования¹. Один из авторов данной статьи в последние годы также писал работы, основанные на анализе текстов, написанных “маленькими людьми”: письма, дневники, воспоминания, размышления “о жизни”²... Данная статья — попытка поразмышлять над некоторыми проблемами, которые возникли в процессе изучения таких текстов.

Дело в том, что устные нарративы, полученные посредством интервью, записываются человеком, который это интервью проводит — сначала на диктофон, затем переводятся в письменную форму и на литературный язык. Нарратив, изначально существующий в письме, при публикации также, как правило, переводится на “нормальный литературный”. Это неудивительно. В центре исследовательского внимания стоит то, о чем рассказано или написано, т.е. референт сказанного или написанного: рассказ о событии, жизненная траектория, социальная мобильность. Язык рассматривается как средство передачи содержания.

Поначалу мы тоже не сосредоточивались особенно на проблеме языка и текста. Главным было то, о чем сообщалось. Но постепенно сама проблема того, как написано, вылезала на первый план. Так получалось потому, что тексты, прочитанные нами, написаны по собственной воле и желанию писавших, они родились спонтанно, а не получены путем, например, биографического интервью. Было видно, что тексты представляют собой разные типы письма, которые коррелируют с социальным статусом пишущих. В центре внимания оказывался не столько референт исследуемых текстов, сколько сам тип тек-

ста как продукта практики письма, взятый в качестве социокультурной симптоматики.

“Человеческие документы” представляют различные типы письма. Одни написаны “на нелитературном языке”, без точек и запятых, с орфографическими и стилистическими “ошибками”. Что-нибудь вроде следующего: *“Надо отминит не справыдливое укас Сталина и поставитть спровидливост раз историе болезни написано инволит отечиствино войны то мы должны быть все одинакова .. А сичас что полуцаетса инволит войны 2 группы пришил в белой рубашки при галстукке в полботинках А инволит 3 группы в куфайки и кирзовых сапогах”* (Письмо с газету “Труд”, III, 1991).

Случай противоположный — как будто в человека заложена машинка, которая пишет “за него”: здесь уже и клише и заезженные фразы: “как в газете”. Он может писать о своей единственной и неповторимой жизни, переживая при этом очень сильно, а из-под пера выливается: *“Годы первых пятилеток явились величайшим событием в жизни советского народа. За короткое время была создана индустриальная база страны, проведена массовая коллективизация сельского хозяйства... Строительство социализма направило по другому пути развитие экономики страны... В 1929 году вступила в свои права массовая коллективизация в сельском хозяйстве и это коренным образом изменило личную жизнь крестьян, в том числе и мою”*³. Текст подобен маске, которую от лица не оторвешь...

Случай третий — обе разновидности письма как бы смешаны: в поток “неграмотной речи” вкраплены клише речи “казенной” (заимствованной из газет, радио и телепередач и т.д.), в “самодельный” язык вставлены “слова” из казенного дискурса. Как правило, это — случаи неуспешного воспроизведения официальной речи. Вот, например, пишущий “цитирует” газетную статью, а затем переходит на “свое”: *“Одним из критериев основных в выборах партнеров для нас является степень Новизны того или иного Технологического решения нередко такие варианты предлагают средние и даже мелкие фирмы опроентированные в своей структуре на внешний Рынок расширение делового сотрудничества на этом уровне мы также считаем нашим дополнительным резервом. Начерта нам они нужны ихние фирмы, у нас всего хватает наша страна такая богатая мы и без них обойдемся, душегубы проклятые я уже 47 лет плачу, и не могу фильмы смотреть как я уже писала что ихние сапоги с подковами звенят днем и ночью в ушах я кино в Телевизоре выключаю за них”*⁴. Есть тексты “о жизни”, авторы которых приводят обращения в официальные органы, которые они сами туда посылали.

Огромный интерес представляют редкие документы, где даны разные типы письма в эволюционной последовательности — например, дневник, который человек вел много лет: сначала — самодельное “ручное” письмо — в конце “нормальный” литературный язык.

Чтение текстов, которые принято называть “человеческими документами”, большей частью подобно переходу в “мир иной”, не похожий на мир литературного языка, субъектности и рационального мышления, в котором привык жить интеллектуал. Это — мир полусказочного нарратива, светской агиографии и лебядкинских стишков, мир нелитературного письменного языка, где не соблюдаются правила нормативного словоупотребления, где люди пишут “как говорят”. Это тексты, в которых ощущается присутствие пишущего живого тела и живого голоса. Размышляя о таком письме, вспоминаешь: манускрипт буквально — рукой написанное. Мы имеем дело с письмом как продуктом домашней, ручной работы. Написанное не столько стимулирует к поиску глубинных “подлинных смыслов”, сколько раздражает, соблазняет, влечет.

Большие массивы текста, написанного нелитературным языком, редки. К таковым принадлежит и текст Е.Киселевой, который хранится в Центре документации “Народный архив” и является основным (но не единственным), предметом обсуждения в данной статье⁵. Автор — “женщина из народа”, у которой образование — пять классов украинской школы. Она впервые стала писать “для себя” в 64 года. Ее “книга жизни” — три толстых общих, плотно исписанных тетради, примерно восемь авторских листов. Отрывки из этой рукописи напечатал журнал “Новый мир”⁶. Авторы этой статьи мечтают опубликовать текст полностью, не редактируя его, а также снабдить текст соответствующими комментариями и интерпретациями.

Рукопись Е.Киселевой — пример “образцового” наивного письма: она сплошная, без разделения на абзацы и даже предложения, а точки с запятыми произвольно расставлены (там, где пишущему надо было вздохнуть?). Кажется, что невозможно прекратить процесс чтения именно потому, что точки и запятые или отсутствуют или ставятся произвольно. Текст сплошной, а потому и прерваться невозможно: не знаешь, где можно было бы это сделать.

Оригиналы и копии

Профессионального редактора “наивное письмо” способно довести до безумия. Подобно перемалывающей нормирующей маши-

не, начинает он править... Так был подвергнут правке и нормированию и текст Е.Киселевой. Приведем для примера одну лишь фразу, самое начало рукописи. В журнале так напечатано — с запятыми и абзацами:

“Мой муж Киселев Г.Д. работал до войны 1941 года в пожарной команде ровно десять лет. Когда началась война, его эвакуировали с машинами, он был партийный и авторитетный командир в пожарной части, которому можно доверить все социалистическое имущество”⁷.

А в подлиннике так:

“Мой муж Киселев Г.Д. работал до войны до 1941 года в Пожарной команде ровно десять лет, когда началась война в 1941 году его эвакуировали с машинами назначили его потому он был партийный, и авторитетный командир в пожарной доверенное лицо и кому можно доверить все социалистическое имущество”⁸.

Публикатор правит ничтоже сумняшеся, но от себя, как след “народности” вставляет “партийный”, хотя в подлиннике как раз “партийный”. Да и в отборе отрывков прослеживается некая тенденция, о которой ниже. Вот и возникают вопросы: Кто автор опубликованного текста? Как соотносятся оригинал и опубликованный вариант? Здесь не место подробно анализировать способ правки в подробностях, пусть читатель поверит на слово: “литературная правка” лишила текст тона, ритма, энергии, неких его “аввакумовских качеств”, которые как раз и соблазнили публикаторов...

Правили перед печатью и тексты песен, звучавшие в передаче “В нашу гавань заходили корабли”, а теперь напечатанные. Беру наугад:

*“Смотрите, граждане, я женщина несчастная,
Бледна, измучена, нет сна и жизни нет.
Как волк отравленный, я слезы лью бесчисленно,
А мне, товарищи, совсем немного лет”⁹.*

Все правильно, точки-запятые расставлены, а что-то не так. Ощущение обусловлено тем, что нами прочитано довольно много оригиналов: текстов, где такого рода песни по-другому записаны. Так, как у Е.Киселевой:

*“Детишки плакали соседи прятались
когда муж пьюный домой пришел
зачем вы женщины за пятац держитес
Уж лучше век прожить одной
Кричить роздень меня Кобила старая
Пришел с работы я и спать хочу
Сняла решительно пинжак потрепанный*